

«А ну давай, наяривай...»: с 13 по 19 июня в Эстонии пройдет традиционный Международный гитарный фестиваль, в ходе которого в Таллине, Пярну и Курессааре выступят известные гитаристы из Бразилии, Испании, Венгрии и Франции. В частности, 16 июня в Доме Братства черноголовых выступит выдающийся испанский гитарист Фердинандо Эспи (на фото), победитель международных конкурсов. Кроме того, три концерта даст бразильский виртуоз и мастер гитарной импровизации Челсо Мачадо. Фото: wikimedia.com

Не моя «Кармен»

Тамара УНАНОВА

В конце мая состоялась последняя премьера сезона Национальной оперы – «Кармен» Жоржа Бизе в постановке англичанина Уолтера Сатклифа.

Впервые на эстонской сцене «Кармен» была представлена в оригинальной версии, с разговорными диалогами на французском языке, а не с привычными речитативами, написанными после смерти композитора его другом Эрнестом Гиро.

«Самый драматичный» момент

Несмотря на это новшество, которым просвещенную Европу с ее модой на аутентичность не удивишь, постановка не стала событием. Подход режиссера к оперному жанру не отличается оригинальностью. Разве что старые черно-белые фотографии на большом экране, на которых запечатлены коррида, тореро, цыганский табор, площадь в Севилье, отсылали зрителей в далекую эпоху, когда разворачивалась драма, что придавало повествованию документальность – как в новелле Мериме.

А так все вполне традиционно – никаких постмодернистских приемов и актуализации классики. Драматичная история роковой любви простого баскского парня к вольной, как птица, андалузской цыганке, рассказана неторопливо-сдержанно и прохладно-скудно, без ярких эмоциональных всплесков – за исключением финала, когда Хозе, прежде чем убить неверную возлюбленную, с особым сладострастием пинает ее ногами. Признаться, этот «самый драматичный» момент спектакля заставил меня сорваться с места и, не дождавшись аплодисментов благодарной публики, спешно покинуть зал.

К счастью – а может, к несчастью? – это не первая, не вторая и даже не пятая «Кармен», которую мне посчастливилось видеть, в том числе на сцене «Эстонии». Не могу припомнить, чтобы когда-либо представление одной из самых совершенных в музыкально-драматургическом отношении опер вызывало у меня подобную реакцию. Постановка «Кармен» может восхищать, шокировать, эпатировать, возмущать, но быть скучной и бесстрастной – это нонсенс.

Итак, что же предлагают нам Национальная опера «Эстония» и молодой английский режиссер, знакомый нам по постановке оперы Моцарта «Так поступают все женщины»? По словам самого Сатклифа, он (в тандеме

Кармен (Хелен Локута) и Хозе (Март Мадисте): любовь как «поединок роковой».

Фото: Станислав Мошков

Конечно, художника судят не по намерениям, а по результату. А он получился весьма неубедительный. Режиссер увлекся бытописанием и этнографическими подробностями в ущерб эмоционально-художественной стороне. На сцене подробно воссоздается общая картина происходящего: площадь в Севилье, работницы табачной фабрики, таверна Лиллас-Пастья – но характеры главных героев выписаны «темно и вяло».

Правда быта или правда чувств?

Абсолютно бесцветным персонажем предстает Хозе в исполнении Марта Мадисте, чей лирический тенор для этой партии не подходит, не говоря уже о том, что певец не всегда чисто интонирует. Знаменитая ария о цвет-

мен, она поет чисто и выразительно, лихо управляется с кастаньетами, но ей не хватает темперамента и харизмы, а в голосе – завораживающе-чувственных интонаций, того, о чем поэт сказал: «Дивный голос твой, низкий и странный, / Славит бурю цыганских страстей». Другая наша Кармен, Юули Лилль, по темпераменту ближе к героине Бизе, и в голосе у нее есть нужные краски, но, к сожалению, пение ее на премьере не отличалось чистотой, голос вибрировал.

Прекрасно – и вокально, и артистически – провела свою роль Хели Вескус, создавшая лишенный штампов образ невесты Хозе Микаэлы, готовой до конца бороться за любимого. Запомнилась и дебютировавшая в этой роли во втором составе молодая певица Альбина Кочетова, обладательница

была представлена в оригинальной версии, с разговорными диалогами на французском языке, а не с привычными речитативами, написанными после смерти композитора его другом Эрнестом Гиро.

«Самый драматичный» момент

Несмотря на это новшество, которым просвещенную Европу с ее модой на аутентичность не удивишь, постановка не стала событием. Подход режиссера к оперному жанру не отличается оригинальностью. Разве что старые черно-белые фотографии на большом экране, на которых запечатлены коррида, тореро, цыганский табор, площадь в Севилье, отсылали зрителей в далекую эпоху, когда разворачивалась драма, что придавало повествованию документальность — как в новелле Мериме.

А так все вполне традиционно — никаких постмодернистских приемов и актуализации классики. Драматичная история роковой любви простого баскского парня к вольной, как птица, андалузской цыганке, рассказана неторопливо-сдержанно и прохладно-скудно, без ярких эмоциональных всплесков — за исключением финала, когда Хозе, прежде чем убить неверную возлюбленную, с особым сладострастием пинает ее ногами. Признаться, этот «самый драматичный» момент спектакля заставил меня сорваться с места и, не дождавшись аплодисментов благодарной публики, спешно покинуть зал.

К счастью — а может, к несчастью? — это не первая, не вторая и даже не пятая «Кармен», которую мне посчастливилось видеть, в том числе на сцене «Эстонии». Не могу припомнить, чтобы когда-либо представление одной из самых совершенных в музыкально-драматургическом отношении опер вызывало у меня подобную реакцию. Постановка «Кармен» может восхищать, шокировать, эпатаживать, возмущать, но быть скучной и бесстрастной — это нонсенс.

Итак, что же предлагают нам Национальная опера «Эстония» и молодой английский режиссер, знакомый нам по постановке оперы Моцарта «Так поступают все женщины»? По словам самого Сатклифа, он (в тандеме с художником и сценографом Лийной Кеэваллик) хотел привнести «свежий и неожиданный» взгляд на всем известную «историю страстной цыганки и молодого человека, о которых у большинства на деле весьма смутное представление. Поэтому рассказывать эту историю следует как можно более внятно. В опере противопоставляются две жизненные философии: Кармен верит в предопределение, и эта вера дает ей свободу поступать так, как она хочет, а Хозе считает, что может сам творить свою судьбу. Интересно проследить, как сталкиваются эти противоположные взгляды на жизнь и каков результат».

Мне всегда казалось, что в опере Бизе главное — не исследование жизненных философий, а человеческая драма, та роковая страсть, что не поддается объяснению и ломает судьбы людей. И, конечно, пленительный и опасный образ Кармен, вдохновивший поэтов, художников, хореографов на создание не одного произведения.

Конечно, художника судят не по намерениям, а по результату. А он получился весьма неубедительный. Режиссер увлекся бытописанием и этнографическим подробностями в ущерб эмоционально-художественной стороне. На сцене подробно воссоздается общая картина происходящего: площадь в Севилье, работницы табачной фабрики, таверна Лиллас-Пастья — но характеры главных героев выписаны «темно и вяло».

Правда быта или правда чувств?

Абсолютно бесцветным персонажем предстает Хозе в исполнении Марта Мадисте, чей лирический тенор для этой партии не подходит, не говоря уже о том, что певец не всегда чисто интонирует. Знаменитая ария о цветке («Видишь, как свято сохраняю цветок, что ты мне подарила»), по сути — первое признание в любви, звучит невыразительно и бесстрастно, а дуэты Хозе с Микаэлой и Кармен лишены эмоциональной теплоты. Итальянец Фульвио Оберто, певший Хозе на второй премьере, напротив, запомнился и темпераментом, и осмысленным пением, у него сильный выразительный голос красивого тембра, способный выражать разные чувства. Другое дело, что видение этого образа режиссером и художником вызывает недоумение: в финальной сцене, когда Хозе является к Кармен в клетчатых штанах с ножом в руке, он мелок и смешон. И убивает Хозе жестоко и расчетливо, а не в состоянии аффекта.

Вызывают вопросы и мизансцены. Кармен почти все время окружена толпой, а знаменитая хабанера исполняется в глубине сцены: Кармен сидит, окруженная товарками с фабрики, и поет («У любви, как у птицы крылья»).

Хелен Локута очень хороша в роли Кар-

мен, она поет чисто и выразительно, лихо управляет с кастаньетами, но ей не хватает темперамента и харизмы, а в голосе — завораживающе-чувственных интонаций, того, о чем поэт сказал: «Дивный голос твой, низкий и странный, / Славит бурю цыганских страстей». Другая наша Кармен, Юули Лилль, по темпераменту ближе к героине Бизе, и в голосе у нее есть нужные краски, но, к сожалению, пение ее на премьере не отличалось чистотой, голос вибрировал.

Прекрасно — и вокально, и артистически — провела свою роль Хели Веккус, создавшая лишенный штампов образ невесты Хозе Микаэлы, готовой до конца бороться за любимого. Запомнилась и дебютировавшая в этой роли во втором составе молодая певица Альбина Кочетова, обладательница красивого сопрано. К удачам можно отнести небольшие роли Мирта Якобсона (Цунига) и Теэле Йькс (Фраскита). К неудачам — роль Эскамиллы в исполнении Рауно Эльпа, чей вокал был отнюдь не на высоте, да и образ тореадора вышел ходульным, а драка с Хозе — немотивированной. Впрочем, это больше на совести режиссера.

В опере надо «обмануть правдой», как говорил Шаляпин. Но что значит быть правдивым в опере? Должна ли опера воссоздавать исторические реалии или походить на окружающую нас действительность? Все великие артисты и режиссеры считали, что главное на сцене — это правда характеров и взаимоотношений, «истина страстей и правдоподобие чувствований». Главная задача театра — вызвать сопереживание у зрителей, то самое волнение в крови, которым наделена музыка Бизе, «такая живая, не придуманная, а искренняя», по словам Чайковского. А искренности и правды чувств на сцене не доставало. Как и любви.